
Как мир циничен, — Боже мой!
И — мучит более — всего,
что кровь людей течёт рекой,
горят дома — и ничего!

И ничего! Как будто это
свершается не на глазах!
И нет того, кто бы ответил
за смерть, бездушье и за страх ...

Дурман на крови

«Передуть всех москалей! ..» —
как в наркотическом угаре,
кричит толпа, одних кровей,
с которой Пушкин и Гагарин.

И, власть купивший, идиот
ликует вдохновенно сердцем,
и думает: «Меня — спасёт —
вражда навек единоверцев ...»

Но пусть толпе и идиоту —
на детях собственных сполна
придётся испытать до йоты
весь ужас, что несёт война!

Потом и покричим, поспорим!
Но где ещё есть, мать твою,
такое — зло, такое — горе
в когда-то радостном краю?!

Я зол! Но быть другим не смею ...
Ведь вижу — ясно, наяву —
сестры простреленную шею,
и в маминой крови — траву ...

Мерзавцы

Удалось двух братьев столкнуть ...
Молодцы, ничего не скажешь.
Только мы не такую жуть
сдуру знали, у зла на страже ...

Но ведь выжили! И с каким
вдохновеньем жизнь стали строить
и построили — третий Рим,
вот такие мы всё ж герои!

И сегодня, пусть через боль,
через кровь, через зло, через горе, —
вновь пройдем — и станем собой
на святом славянском соборе!

Ну а вы — чёрных душ господа,
как бы скоро совсем ни стали
нам штилеты — чистить тогда,
когда мы бы ни возжелали!

Нет грядущего у мерзавцев!
Да вас можно хоть как обозвать!
И не нам во тьме изоляций, —
вам, мерзавцы, навек подышать!..

Ужас

Всегда — позорны и греховны
братоубийственные войны —
их не простить и не понять!
Но вы, фашисты, совершая
убийства всех, достойных рая,
готовьтесь сами ад принять.

Иль вам — опущенным холопам
пройдох и педиков Европы
придут на помощь те, кто вас
натаскивал, как псов, на подлость,
на грабежи, на неспособность
предугадать свой горный час?

Нет, не придут — себе дороже,
из вас никто уже не сможет
не быть убийцей — до конца.
Вы дьяволу служить готовы,
уже пролили столько крови,
что нет — у ужаса — лица!

Братьям славянам

Встойте! Вы не одни, Русь с вами,
хоть и разделяет нас — граница.
Только если что, — то скажем прямо:
перейдём её, чтоб вместе биться

с нашими проклятыми врагами —
и тогда скрепя дружбу кровью,
сможем водрузить победы знамя
над землёй славянской с весной новью.

Это значит — говорить по-русски,
не боясь что бросят за решётку.
Это значит — в радости и грусти
жить свободой — по любви и долгу.

Бьют по Луганску так, —
что горит — небосвод ...
И кто же? Свои! О, горе какое, — Боже!
для многих, —
в ком славянская кровь течёт...
Но духом мы падать не будем всё же.

Поставим в храме свечи
по всем убиенным—
они героически погибли в неравном бою.
А тех своих — не своих,
мы крепко запомним,
чтоб по праву судить
на самом последнем краю ...

Невинная кровь

Из народа никто — не хотел воевать,
а кровь проливать — тем более!
Но — себя не заставили ждать
фашисты со злобной волею.

И — давай из орудий палить
по людям, что посмели открыто
о своих правах на весь мир заявить
поправшим законную власть
бандитам.

Льётся кровь... И больше всего
обидно, что невинно-невинная ...
И болит моё сердце, будто в него
Всажен осколок взорвавшейся мины.

Война идёт без всяких правил:
свой колошматит — своего ...
Кого-то это — позабавит,
а я — немею — от того!

И вот что бесконечно грустно
свое проклятье, свою боль —
народы возвели послушно
в ранг, именуемый — судьбой...

Истина одна

Расстреливать мечту
народа своего—
во имя — денег, славы, власти?
Нет, лучше вы меня убейте самого
в своей безумно дикой страсти!

Я знаю, — что у каждого своя
была и, к сожалению, будет правда.
Но истина одна — её услышал я:
нет у фашистов — Господа и завтра!

Лётчики-убийцы

Боже мой! Совсем умом рехнулись —
с воздуха - ракетой — по своим!
Только вихри пламени взметнулись
и застлал всё небо чёрный дым.

Ни сына, ни дочку
в путь последний
в страшном горе не проводит мать,
пепел-прах их где-то за деревней
оседает — чтоб травую стать ...

Лётчики-убийцы, в жизни этой,
Как, лишившись чести,
вам служить?!
Выход есть, он прост — из пистолета
Пулю в лоб при всех себе пустить.

Стон славянина

Всё сильнее и сильнее сжимают нацисты
стальное кольцо
вокруг града Славянска,
современной Брестской крепости,
чтоб наконец-то его,
как в здоровенном кулаке яйцо,
раздавить всмятку,
не убоясь, право, ответственности.

Позор, а не заслуга —
воевать против стариков и детей,
для расправы над ними
не нужна отвага и смелость.
Ну почему я не в Малороссии,
ведь легче от рук палачей
погибнуть, чем смотреть на смерть
и ничего не делать!

Стрелок

Как тяготит нас неизвестность
в суровой, купленной войне, —
гадая, ждать вестей, как вечность:
что наши живы ли вполне?

А, может быть, живьем зарыты,
ведь у фашистов, о, мой Бог! —
в мозги — одна идея вбита,
чтоб каждый русских горько сдох.

Поверить трудно в эту дикость,
ничуть не легче и простить ...
Но не опустимся — до крика:
кто против нас, — не вправе жить!

А чтоб не ждать радиосводок,
терзаясь, мучаясь — душой,
направлюсь в ополченцы сходу,
ведь как стрелок я неплохой ...

Голос ополченца

Свой дом не защищать нельзя
тем более — от супостатов!
И ухнула вновь не гроза,
а наши меткие гранаты.

Мы в твердь родную как вросли, —
не отойдем и на полшага.
Сердца исполнены любви,
но преисполнены отваги.

Кто посмелей там, начинай —
в атаку лобовую следуй ...
Мы не сломались в Первоймай,
И будем биться в День Победы!

подхваченный, как волной,
народной стихией?!

Ни на чьей! Никогда! Ни в каком случае! —
поскольку известно, что на свете любая война,
заканчивается, — как верно история учит —
переговорами и миром на долгие времена.

Брошенные

Хоть поздно, — но смогли понять,
что подло брошены — на гибель ...
и — стигнули бы, — твою мать,
когда бы — на крутом изгибе
своей судьбы — в чужой России
сполна спасенье не нашли,
от тяжких ран — едва живые, —
без веры в свет родной земли ...

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Украинская тетрадь

Свои враги

Не изменю — душе вовек,
как человеку — человек ...
Вооружившись — чем смогу,
я снова дам отпор врагу.

И что мне смерть, когда кругом
земля объята злым огнём,
когда вчерашние свои —
по локти самые в крови!

В крови — и братьев, и сестёр!
Какая боль! Какой позор!
Но что с предавших душу взять?
Их надо только убивать!

Славянский дух

До крови, как враги, воюем ...
А может, мы и впрямь враги?
Да кем бы ни были, всзыскую
Я к Богу — жизни помочь!

Но Бог молчит, не отвечает,
и друг за другом гибнем мы.
Но недруг истинный считает,
что нашим душам мало тьмы.

Добавить бы ещё — и точно,
пусть в одном месте, но славян
не будет ... и с кровавой ночью
славянский дух уйдёт в туман ...

Какая — наглость! Неужели
нам — не взорвёт она мозги,
чтоб вдруг понять на самом деле:
мы не враги! мы не враги!

Никогда!

Воевать с «москалями» —
себе же дороже.
Но «хохлы» лезут драться,
как полные дураки,
и славянская, братская кровь,
о, мой Боже! —
льётся и льётся,
ясному разуму вопреки.

Мои далёкие предки
родились и жили на Украине,
а я с родителями —
в вечной, святой России.
На чьей стороне
должен стоять я отныне,

И что теперь? Вопрос избитый,
но каждый раз встающий так,
что трудно не таить обиды:
а враг на деле-то — не враг!
Всё, что мерзавцы ни пророчат,
вдруг — обращается — бедой ...
С душой, разорванной в клочья,
нет смысла возвращаться в строй.

Наказ

Молчать нет сил... И я, вскипая,
как бурный кратер, всей душой,
кричу: «Россия, мать родная,
ну, сколько можно, чтоб тобой,
как слабовольной, управляли
те, что достойны — одного —
без — сожаленья, без — печали
проклятья — Бога — самого?!

С тобой — многие народы, —
и нынче, в судьбоносный час,
ты если — дорожишь свободой,
то пусть свершится их наказ:
защиту дать всем беззащитным,
а тех, кто жизнь ломает их, —
казнить или путём постыдным
изгнать — как недоносков злых!

Знамя победы

Россия, Русь, когда станешь сама собой —
в глаза врагам посмотришь без страха!
Ведь для того, чтоб не жить под подлой пятой
ты, собрав силы, восстала из праха?!

Гони врагов в шею! Плюнь им — в лицо!
Впрочем, в какое лицо? В поганую морду!
И в краю пограничном взойди на кольцо
Победы, со знаменем — славно и гордо.

К разуму Европы

Семьдесят лет без малого
все люди планеты думали,
что с фашизмом справились
пусть не сразу, но навсегда,
однако ошиблись, причём, сильно —
и стали угрюмыми,
ведь на наших глазах
новорождённых нацистов орда,
одетая в униформу чёрную, —
как смерть поганая,
марширует по улицам,

оскверняет памятники и погосты
великой Европы,
у которой душа напрочь израненная,
но лишь по своей вине —
из-за похода «Нах остен!»,
тем не менее, не возмущается, —
можно подумать, сама
жаждет и жаждет реванша, —
не понимая, что это
обернётся могилой, о которой думать —
сходить с ума,
но пока в разуме,
пусть призовет нацистов к ответу,
или вместе с ними, как фюрер —
мечтатель побед
всемирных, будет на этот раз
разбита непоправимо,
скольким б «зелени», не дал
так называемый Новый свет.
бомбы которого, между прочим,

убивали народ Нагасаки и Хиросимы.
Мы, внуки и правнуки, тех героев,
что на Рейхстаге
водрузили Красное знамя,
можем чуть-чуть подождать.
но при условии, если нацисты,
заткнувшись в позорной атаке, —
прекратят кровь святую —
невинных людей проливать.

А жизнь продолжается,
как продолжается подлая смерть,
и я — не пытаюсь спрашивать,
где сегодня — страшнее —
везде проливается кровь,
от взрывов содрогается твердь,
по которой ползут, как змеи,
в грязи и воде, траншеи.

И не хочу рассуждать,
кто больше в трагедии виноват, —
сегодня важно, как можно скорей,
прекратить её разрастанье,
в конце концов, мы — люди,
должны понимать, что в ад
успеем, но можем спастись
от Божьего вечного наказания ...

Моя Россия

Россия много лет — молчала,
порой казалось — что она
себя в метанях потеряла,
как кое-кто, слепа, пьяна.

Но хорошо, что только мнилось,
на самом деле, по чуть-чуть,
она вовсю сбиралась с силой,
чтоб выйти на рассветный путь.

И вышла, на весь мир об этом,
как прежде, твёрдо заявив,
отринув напрочь все наветы,
враз нападенья все отбив.

И слава ей, а вместе с нею
и кормчому, что на глазах
державно рос, храня идею:
добр — добру, но не за страх.

И я сочту за честь большую —
её простым солдатом быть, —
настало время — подчистую! —
все кривды мира распрямить ...